

Философские науки

УДК 101

Финогентов В.Н.,

*доктор философских наук, профессор,
Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина*

О разнородности состава философских концепций и гипотетичности их исходных положений

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-3-6-20

В статье показано, что сколько-нибудь глубокое и содержательное обсуждение вопроса о составе философских концепций возможно только при осуществлении дифференцированного подхода к пониманию философии. Так, если понимать философию как особую науку, то в составе соответствующих философских концепций будут доминировать знания и мнения. Если понимать философию как разновидность искусства, то в ее составе в первую очередь будут представлены убеждения и мнения. Понимание философии в качестве максимально рационализованного мировоззрения (именно такое понимание отстаивает автор статьи) требует признания наличия в философии двух основных составляющих: знаниевой и ценностно-смысловой. Соответственно, такое понимание философии тождественно признанию того, что философские концепции включают в свой состав не только мнения и знания, но и убеждения, верования, ценностные ориентации и идеалы. В статье обосновывается также, что исходные положения (принципы) философских концепций, как правило, имеют гипотетический характер.

Ключевые слова: философия, философская концепция, знание, мнение, типы понимания философии, мировоззрение, максимально рационализованное мировоззрение, знаниевая составляющая мировоззрения, ценностно-смысловая составляющая мировоззрения, гипотетичность исходных положений философии.

Finogentov V. N.,

*doctor of philosophy, Professor,
Orel state agrarian University named after N. V. Parakhin*

The article shows that any deep and meaningful discussion of the question of the composition of philosophical concepts is possible only with the implementation of a differentiated approach to understanding philosophy. So, if we understand philosophy as a special science, then knowledge and opinions will dominate in the composition of the corresponding philosophical concepts. If we understand philosophy as a kind of

art, then beliefs and opinions will be represented in its composition first of all. Understanding philosophy as the most rationalized worldview (this is the understanding defended by the author of the article) requires recognition of the presence of two main components in philosophy: knowledge and value-semantic. Accordingly, such an understanding of philosophy is identical to the recognition that philosophical concepts include not only opinions and knowledge, but also beliefs, beliefs, value orientations and ideals. The article also substantiates that the initial provisions (principles) of philosophical concepts, as a rule, have a hypothetical character.

Keywords: *philosophy, philosophical concept, knowledge, opinion, types of understanding of philosophy, worldview, maximally rationalized worldview, knowledge component of worldview, value-semantic component of worldview, hypothetical initial positions of philosophy.*

Сама изначальная множественность зачастую противоречащих друг другу философских концепций неизбежно порождает сомнения в их достоверности. Поэтому вполне естественно многие известные философы, начиная, по крайней мере, с основоположника скептицизма Пиррона, считали и считают, что философского знания вообще не существует, что все философские концепции – это всего лишь многочисленные мнения.

Так, современный французский философ А. Конт-Спонвиль пишет в связи с этим, что «философия полна ... мнениями». «Например, – продолжает он, – Декарт утверждает, что воля свободна, а Спиноза это отрицает». «И то и другое утверждения, – полагает цитируемый автор, – суть мнения, что не мешает им лечь в основу строго аргументируемой философской системы каждого из упомянутых мыслителей». «То же самое можно сказать, – указывает Конт-Спонвиль, – и о «доказательствах» бытия Божия, и о доказательствах бессмертия души или, напротив, ее смертности, о вере в бесконечность или конечность Вселенной, о статусе истины, об основаниях морали...» В итоге этот французский философ приходит к уже знакомому нам весьма общему и категоричному выводу: «Философского знания не существует ... любое философское учение, даже самое сложное, остается мнением» [Конт-Спонвиль, 2012: 317].

Надо ли соглашаться с этим выводом? Или все же следует признать его излишне категоричным? Может быть, в состав философских концепций входят не только мнения, но и другие компоненты? И каковы в таком случае эти – другие – компоненты философских учений?

Ниже я попытаюсь разобраться с этими вопросами. Особое внимание при этом, как мне представляется, следует уделить рассмотрению гипотетичности многих составляющих различных философских концепций, в частности гипотетичности их исходных положений. Дело здесь, кроме всего прочего, в том, что использование понятия «гипотетичность» для характеристики разнообразных составляющих философских концепций может, на мой взгляд,

помочь избежать нередко встречающегося явно избыточного упрощения, связанного с оперированием понятиями «мнения» и «знания» при оценке философских построений.

Для рассмотрения указанных вопросов мне придется также уделить определенное внимание обсуждению соответствующих особенностей философии, с одной стороны, и науки, с другой стороны, а также уточнить содержание некоторых до сих пор недостаточно проясненных основополагающих философских понятий, в частности уже прозвучавших понятий «мнение» и «знание». – Конечно, это совсем не легкая задача. Поэтому, очевидно, мои размышления и формулировки в связи с вопросами, сформулированными выше, отнюдь не претендуют на бесспорность и окончательность.

1. О соотношении понятий «мнение» и «знание»

Начиная разговор на эту тему, следует указать, прежде всего, на весьма широкий разброс в истолковании различными авторами содержания понятий «мнение» и «знание».

Так, многие авторы решительно и однозначно разводят эти понятия. Они указывают на то, что мнения людей по одному и тому же вопросу субъективны, многочисленны и противоречат друг другу. И они приводят немало примеров, убедительно иллюстрирующих это обстоятельство. Эти же авторы подчеркивают, что знания, в противоположность мнениям, объективны, однозначны и когерентны, то есть подтверждаются эмпирически и согласованы друг с другом. При этом обычно имеются в виду не какие угодно знания, а знания научные. И опять-таки они приводят достаточное количество соответствующих, к тому же достаточно убедительных, примеров. Такие авторы указывают также главное отличие знания от мнения. Знание, говорят они, обязательно должно быть многообразно подтвержденным, надежно обоснованным, а еще лучше – доказанным. Соответственно, мнение лишено этих качеств.

На первый взгляд, позиция таких авторов бесспорна. И, в общем, как кажется, разговор о разграничении мнений, с одной стороны, и знаний, с другой стороны, можно на этом закончить.

Однако давно и справедливо сказано: «Дьявол скрывается в деталях».

В качестве (весьма существенных) «деталей» в данном случае, прежде всего, имеются в виду различные степени обоснованности тех или иных знаний. Ведь очевидно, что даже в составе научного знания присутствуют компоненты, значительно отличающиеся друг от друга по степени их обоснованности. Так, например, в составе научного знания мы можем, с одной стороны, указать некоторые фундаментально обоснованные его компоненты. Таковы, в частности, многие надежно проверенные эмпирически и теоретически аргументированные законы науки, например, законы современной физики. С другой стороны, в составе научного знания обязательно присутствуют слабо обоснованные компоненты. Таковыми являются, в частности, различного рода научные гипотезы, фигурирующие, в том числе, и в нынешних научных построениях.

Вообще, говоря об обоснованности (научного) знания, непременно следует иметь в виду, что современная наука, да и нынешняя философия, довольно далеко отошли от требования абсолютной (полной) обоснованности знания. Они (современная наука и нынешняя философия) давно уже признали, что достижима только, так сказать, достаточная обоснованность знания (см. об этом в частности [Альберт, 2003]). Причем эта «достаточность» определяется в первую очередь конкретикой решаемой в данном случае познавательной задачи. Так что на следующей стадии развития науки и философии определенный элемент научного (или философского) знания, считавшийся до той поры достаточно обоснованным, может быть признан недостаточно обоснованным, может быть, так сказать, вновь поставлен под вопрос.

Наверное, здесь следует упомянуть также то немаловажное в данном случае обстоятельство, что мнение, данное, конкретное мнение, тоже нередко бывает в определенной степени обоснованным. Иначе говоря, данное, конкретное мнение совсем необязательно носит сугубо субъективный и произвольный характер. В частности, не вызывает сомнения тот факт, что достаточно часто и в науке и в философии мы имеем дело с мнениями, которые в той или иной мере обоснованы.

Таким образом, даже только что проведенный анализ подхода, сторонники которого решительно разводят мнение, с одной стороны, и знание, с другой стороны, по признаку обоснованности (знания) и, соответственно, по признаку необоснованности (мнения), показывает недостаточную глубину и недостаточную убедительность этого подхода.

Соответственно, на данной стадии нашего рассмотрения соотношения знания и мнения мы должны констатировать, что, по всей видимости, в действительности в составе философских концепций и даже в составе научных построений имеет место некий непрерывный переход от мнений к знанию. То есть в них нередко имеет место непрерывный переход от минимально обоснованных мнений к мнениям, в известной мере обоснованным, и далее – к знаниям, обоснованным в достаточной степени.

Таким образом, мы должны сказать, что во многих случаях в философских концепциях, да и в научных построениях, совсем не просто провести границу между мнением и знанием. Этот вывод станет еще более убедительным, если мы еще раз вспомним историческую изменчивость и философских концепций и научных построений.

Так что на данной стадии нашего анализа мы вправе высказать предположение, согласно которому утверждение А. Конт-Спонвиля о том, что «философского знания не существует», что «философские концепции – это всего лишь мнения», представляется все-таки излишне категоричным.

2. Составляющие философских концепций в философии, понимаемой как особая наука

До сих пор я рассуждал так, как будто философские концепции и научные построения включают в свой состав только два типа составляющих: знания и мнения. И если применительно к научным построениям такое представление

является достаточно адекватным, то применительно к философским концепциям оно, на мой взгляд, явно некорректно. Дело в том, что философские концепции, несомненно, включают в себя и другие типы составляющих, в том числе, такие составляющие, которые принципиально отличаются и от мнения и от знания. – Это будет показано мной ниже.

Впрочем, здесь непременно следует учитывать, что в истории культуры представлены различные понимания философии. И самое главное для нас заключается в том, что этим – различным – пониманиям философии свойственны различные мнения о типах составляющих, присутствующих в философских концепциях.

Мне представляется, что здесь вполне уместно и полезно познакомиться с типологией пониманий философии, разработанной Г.Г. Майоровым и представленной в его книге [Майоров, 2004]. Эта типология поможет мне в известной мере конкретизировать обсуждение вопроса о том, какие компоненты входят (могут входить) в состав философских концепций.

Согласно этой, весьма содержательной, типологии, существуют три основных («идеальных») типа понимания философии. В рамках первого из них «философия – это влечение духа к совершенному (абсолютному) знанию и любовь к мудрости». Сторонники второго понимания понимают «под философией некую науку, а именно высшую из наук, царствующую над всеми остальными». Наконец, третье понимание видит «в философии своего рода искусство и виртуозность мысли, умение все доказывать или опровергать» [Майоров, 2004: 35-36].

Сам Г.Г. Майоров считает, что предложенная им типология пониманий философии является исчерпывающей, и, соответственно, он полагает, что эта типология приложима ко всей истории философии вплоть до современности. В связи с этим он указывает также, что «все иные известные нам способы понимания философии» редуцируются к указанным «идеальным» типам или являются результатом некоторого их «смешивания».

Кроме того, Г.Г. Майоров дает выделенным им типам понимания философии названия, «соответствующие их сущности». Первый тип, «поскольку он ориентирован на мудрость», называется им «софийным». Второй тип, «ориентированный на науку», называется «эпистемическим» (от греческого *episteme* – точно установленное знание, наука). Соответственно, третий тип, «ориентированный на мастерство, изобретательность и ловкость мышления», называется «технематическим» (от греческого *technema* – искусное произведение, изобретение, выдумка и т.п.) [Майоров, 2004: 36].

Несомненно, предложенная Г.Г. Майоровым типология пониманий философии является содержательной и эвристичной. Значительный интерес представляют, на мой взгляд, также его оценки различных истолкований философии.

Нельзя не согласиться с Г.Г. Майоровым, в частности, в том, что достаточно авторитетным и весьма распространенным являлось и по-прежнему является такое понимание философии, согласно которому философия – это

особая наука. Вполне обоснованным представляется также утверждение Г.Г. Майорова о том, что основоположником такого понимания философии является Аристотель (см. [Майоров, 2004: 43-46]). Добавлю от себя, что такое понимание философии, несомненно, свойственно Гегелю, основоположникам диалектического и исторического материализма, а также многим другим философам разных эпох, в том числе некоторым современным философам.

Очевидно, что при таком понимании философии в философских концепциях, как и в научных построениях, доминируют два уже знакомых нам типа составляющих: знания и мнения. Понятно также, что в разных философских концепциях такого рода соотношения этих составляющих различны. В каких-то философских концепциях данного типа ведущая роль принадлежит произвольным авторским мнениям; в других философских концепциях мнения и знания представлены более или менее равноправно; в третьих философских концепциях – преобладают знания и т.д.

Но, подчеркну, в рамках так понимаемой философии всегда в наличии именно два обсуждаемых типа составляющих. Причем идеалом философии такого рода, несомненно, является философия, существующая в виде системы философских концепций, в составе которых доминируют именно (философские) знания.

Здесь необходимо отметить, что Г.Г. Майоров очень критично относится к рассматриваемому сейчас пониманию философии. В связи с этим он прямо утверждает: «Понимание философии как науки ... ложно» [Майоров, 2004: 47]. Г.Г. Майоров указывает также причину того, почему такое понимание философии является принципиально неверным. Дело в том, что, как он справедливо пишет, при таком понимании философии «философия утрачивает ... свой нравственный пафос» и «превращается в сухую схоластику» [Майоров, 2004: 46].

В общем, я склонен согласиться с мнением Г.Г. Майорова по данному вопросу. Действительно, понимание философии в качестве особой науки – это очень бедное и в целом неадекватное ее понимание. – Это при всем уважении к науке!

Правда, на мой взгляд, дело здесь не только в том, что такое понимание философии ведет к утрате ею «нравственного пафоса». – Это, как мне представляется, верное, но недостаточно полно выражающее суть данной ситуации суждение. Дело здесь в том, что такое, «эпистемическое», понимание философии игнорирует не только нравственную компоненту философии, оно вообще элиминирует весь ее ценностно-смысловой блок, являющийся, по моему убеждению, для философии важнейшим, конституирующим. Иными словами, такое, «эпистемическое», понимание философии некорректно сводит философию только к одной из ее частей: к ее знаниевому блоку. Оно не замечает присутствия в философии другого – важнейшего для нее – блока: ценностно-смыслового. (См. об этом подробнее в четвертом разделе статьи.)

3. Философия как особый вид искусства и философия как стремление к Абсолюту

Как уже сказано, и предложенная Г.Г. Майоровым типология пониманий философии, и его оценки самих этих пониманий обязательно должны быть приняты во внимание теми авторами, которые размышляют над природой философии, над многообразием ее исторических форм, а также над ее нынешним чрезвычайно противоречивым состоянием и тенденциями ее сегодняшнего развития.

В связи с этим я продолжу рассмотрение подхода Г.Г. Майорову к обсуждаемому кругу вопросов.

Прежде всего, отмечу, что Г.Г. Майоров так же негативно, как к «эпистемическому» толкованию философии, согласно которому, напомним, философия – это особая наука, относится и к «технематическому» ее пониманию, то есть к пониманию философии как особому виду искусства. Он провозглашает: «Понимание философии как ... искусства ложно» [Майоров, 2004: 47].

К представителям такого понимания философии цитируемый автор относит, в частности, софистов (Горгия, Ксениада, Протагора, Фразимаха). К такому пониманию философии, по Майорову, близки также «хайдеггерианцы, постструктуралисты, постфрейдисты, теоретики деконструкции и языковых игр». Всем им, пишет наш автор, свойственно «эпатировать и выглядеть экстравагантно», всем им свойственно «отсутствие глубокой веры в то, чему они учат», всем им свойственно «игровое понимание философии» [Майоров, 2004: 47, 48].

Нетрудно также догадаться, какие составляющие преобладают в философских концепциях, разрабатываемых в рамках так толкуемой философии. Наверное, в них могут присутствовать отдельные элементы более или менее обоснованного знания. По всей видимости, в них могут содержаться также некоторые другие компоненты, в частности убеждения и верования авторов концепций такого рода. – Об этих – «других» – компонентах философских концепций я говорю ниже. Но, несомненно, доминирующая роль в составе философских концепций, развиваемых в рамках «технематической» философии, принадлежит субъективным мнениям авторов соответствующих концепций. В этом легко убедиться, внимательно вглядываясь в философские хитросплетения авторов, справедливо отнесенных Г.Г. Майоровым к «технематической» философии.

Так что скептическая оценка философских концепций, согласно которой в этих концепциях (см. начало нашей статьи) нет знания, а присутствуют лишь мнения, в большей степени справедлива по отношению именно к «технематической» философии.

Отрицая корректность второго («эпистемического») и третьего («технематического») пониманий философии, Г.Г. Майоров убежден в истинности первого («софийного») ее истолкования [Майоров, 2004: 47]. Согласно этому истолкованию, напоминаю, философия – это любовь к мудрости, это «искание Абсолюта».

Истоки так понимаемой философии Г.Г. Майоров находит в воззрениях Пифагора [Майоров, 2004: 37-38]. Более отчетливо и глубоко такую философию,

полагает наш автор, разрабатывал Сократ [Майоров, 2004: 38-40]. Наконец, по его мнению, в классическом виде философия такого типа представлена в сочинениях Платона [Майоров, 2004: 40- 42].

«Софийная линия» в философии, утверждает далее Г.Г. Майоров, была продолжена Платином, а также другими неоплатониками. Еще позже такого рода философия, по Г.Г. Майорову, развивалась Николаем Кузанским, Джордано Бруно, И. Кантом, И.Г. Фихте, Г. Гегелем, Й. Шеллингом. Наконец, «наиболее последовательное продолжение свое софийная философия нашла в византийской и русской философии» [Майоров, 2004: 42].

Следует признать, что Г.Г. Майоров в своих размышлениях об основных типах понимания философии и в оценках этих пониманий прав, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, «софийное» истолкование философии, несомненно, глубже и интереснее, чем ее «эпистемическое» и «технематическое» понимания. Во-вторых, действительно, «софийная линия» в философии представлена в истории философии, пожалуй, самыми громкими и самыми значимыми для философии именами (см. соответствующие имена немного выше).

Казалось бы, после сказанного выше мне остается присоединиться к предложенной Г.Г. Майоровым типологии пониманий философии и согласиться с его оценками соответствующих типов философии. Однако, на мой взгляд, такой шаг был бы излишне поспешным и, скорее всего, некорректным.

Дело в том, что, по всей видимости, «софийное» истолкование философии, вопреки позиции Г.Г. Майорова, не сводится к тому варианту философствования, который наш автор видит единственно истинным и который обозначает как «искание Абсолюта». Иначе говоря, на мой взгляд, возможен и принципиально иной вариант «софийной» философии, то есть философии, понимаемой в качестве любви к мудрости, в качестве стремления к истине.

Таким образом, Г.Г. Майоров, отождествляя «софийную» философию с «исканием Абсолюта», как мне представляется, ведет речь только об одной из двух линий развития «софийного» понимания философии. При этом он совершенно упускает из вида другую линию такого ее понимания.

А именно: рассуждая о «софийной» философии, он говорит, по моему мнению, только о линии развития различных видов религиозной и религиозоподобной философии. Но, по моему мнению, в истории философии (и в наши дни) весомо представлена и последовательно нерелигиозная «софийная» философия.

Эти две линии развития «софийной» философии – религиозная и религиозоподобная, с одной стороны, и последовательно нерелигиозная, с другой стороны, – являются, как мне представляется, двумя фундаментальными вариантами философии, понимаемой в качестве особой формы мировоззрения.

Поясняя, отмечу здесь, что, конечно, не существует отчетливой границы между религиозной философией, с одной стороны, и религиозоподобной философией, с другой стороны. Они очень близки друг к другу. Они обе

подчеркивают единство мира и его пронизанность неким духовным началом. В то же время между ними есть и существенные различия.

Так, понятно, что к религиозной философии мы без колебаний отнесем воззрения тех мыслителей, которые выстраивают свою философию на основе фундаментальных положений той или иной теистической религии, на основе базисных принципов христианства в частности. Это – философские воззрения Августина, Фомы Аквинского, С.Н. Булгакова и т.д. Можно сказать также, что каждая вариация религиозной философии – это конфессионально ориентированная философия.

С другой стороны, к религиозоподобной философии следует отнести учения тех мыслителей, в воззрениях которых, во-первых, фундаментальную роль играет по-разному называемый ими Абсолют, как правило, лишенный качеств личности, которые, во-вторых, признают возможность окончательного, полного познания Абсолюта, возможность слияния с ним и т.п. К мыслителям такого рода относятся стоики, Спиноза, Гегель и многие другие выдающиеся мыслители. Более подробно о религиозоподобной философии я пишу в работе: [Финогентов, 2009: 57-71]. В только что указанной работе я подчеркиваю, в частности, что религиозоподобная философия, как и теистическая религия, стремится решить задачу слияния человека с Абсолютом, задачу обретения человеком подлинного бытия, или, образно выражаясь, решить задачу «возвращения человека в рай».

Сущностная близость религиозной философии и религиозоподобной философии к теистической религии, точнее, к соответствующему теистическому мировоззрению, приводит к тому, что в составе такого рода философских концепций наряду с мнениями и знаниями присутствуют также и компоненты принципиально другого рода. Эти – другого рода – компоненты таких философских концепций, кроме всего прочего, способны зафиксировать и выразить и атрибутивно присущий философии «нравственный пафос». Логично предположить, что в качестве этих – другого рода – компонентов философских концепций обсуждаемого типа выступают убеждения, верования, ценностные ориентации и идеалы. – См. об этом также в следующем параграфе.

Подчеркну, что Г.Г. Майоров отчетливо осознает вышеуказанное мной обстоятельство. Иначе говоря, скорее всего, он понимает, что говорит только об одной линии в развитии «софийной» философии. Об этом однозначно свидетельствует подбор имен философов, относимых им к традиции «софийной» философии. Об этом же свидетельствуют те характеристики такой философии, которые он ей дает. Так, в частности, Г.Г. Майоров пишет, что уже Пифагором философия была поставлена «между наукой и религией» [Майоров, 2004: 37]. Он указывает также, что Сократ понимал философию как форму познания Абсолюта [Майоров, 2004: 39-40], что для Платона философия есть форма приобщения к Абсолютному добру, Абсолютной истине и к Абсолютной красоте. И т.д.

По всей видимости, Г.Г. Майоров считает, что это единственно возможная линия развития «софийной» философии. Но, по всей видимости, это не так. По крайней мере, трудно спорить с тем, что стремление человека к мудрости (к

«софии») совсем необязательно «теистически» окрашено, в частности, в этом стремлении может доминировать вполне посюсторонний нравственный пафос.

4. *Составляющие философских концепций в философии, понимаемой как особое мировоззрение*

В истории культуры и наши дни представлено и принципиально иное понимание философии, которое, на мой взгляд, также вполне правомерно в качестве ее «софийного» понимания. Дело здесь, прежде всего, в том, что это – принципиально иное, сравнительно с пониманием философии в качестве «искания Абсолюта» – ее понимание так же, как философия религиозная и религиозоподобная, ставит в центр своего внимания не только проблемы онтологические и гносеологические, но и проблемы экзистенциальные (смыслжизненные). Но религиозная и религиозоподобная версии «софийной» философии, как уже было сказано, уверены в возможности слияния человека с Абсолютом и, соответственно, надеются на окончательное и позитивное решение экзистенциальных проблем. А последовательно нерелигиозная «софийная» философия, во-первых, выстраивается без аксиологического Абсолюта и, во-вторых, отрицает возможность окончательного и позитивного решения всех проблем человека и человечества.

Согласно такому («принципиально иному») пониманию «софийной» философии, философия может иметь существенные признаки, объединяющие ее с наукой. В частности, такая философия, как и наука, стремится аргументировать свои положения. Такая философия, как и наука, стремится к согласованности своих различных частей и т.д. Но, в соответствии с обсуждаемым сейчас пониманием философии, философия все-таки не вмещается в достаточно жесткие, хотя и исторически изменчивые, рамки науки. В соответствии с таким пониманием, *философия – это особый тип мировоззрения, а именно: максимально рационализированное мировоззрение*. Такое понимание философии развивается, в частности, и в моих книгах ([Финогентов, 2009: 57-97], [Финогентов, 2021: 117-127]).

Если принять такое истолкование философии, то, по всей видимости, придется признать, что философия обязательно включает в себя два существенно отличающихся друг от друга блока: блок знаниевый и блок ценностно-смысловой (см. об этом подробнее в только что указанных книгах). И если первый – знаниевый – блок состоит из уже знакомых нам знаний и мнений, смешанных друг с другом в определенной пропорции, то второй – ценностно-смысловой – блок включает в свой состав существенно иные компоненты. А именно ценностно-смысловой блок включает в себя те компоненты, которые мы встретили, анализируя состав концепций религиозной и религиозоподобной философии: верования (вера), убеждения, идеалы и ценностные ориентации.

Конечно, принципиально важным для полноценного осуществления так понимаемой философии, то есть для осуществления философии в качестве целостного мировоззрения, является наличие в ней обоих указанных блоков. Не менее значима для такого осуществления философии также неразрывная связь этих блоков, их единство. Однако следует уже здесь сказать, что специфически

философским является в первую очередь именно ее ценностно-смысловой блок. Иначе говоря, именно наличие в составе философии ценностно-смыслового блока конституирует ее, то есть делает философию философией: позволяет ей быть стремлением к мудрости, позволяет ей формулировать мировоззренческие проблемы и искать рациональные подходы к их решению.

Понятно, что указанные блоки отличаются друг от друга не только своими составами, но также и своими функциями. Если знаниевый блок отвечает преимущественно за описательную, объяснительную и в какой-то мере за прогностическую функции философии, то ценностно-смысловому блоку свойственны, прежде всего, ее регулятивная и, так сказать, императивная функции. Иными словами, ценностно-смысловой блок философии в определенной мере детерминирует поведение и поступки соответствующего субъекта. В связи с этим можно было сказать также, что знаниевый блок философии нацелен на то, чтобы дать ответ на первый из знаменитых кантовских вопросов: «Что я могу знать?» Соответственно, ценностно-смысловой блок философии стремится ответить на второй и третий кантовские вопросы: «Что я должен делать? На что я смею надеяться?» [Кант, 1980: 332].

Кстати, признание наличия в составе философии двух указанных и, разумеется, тесно связанных друг с другом блоков (знаниевого и ценностно-смыслового) позволяет примирить две давние и в некотором смысле противоположные тенденции в понимании задач философии. Представители первой из них убеждены в том, что главная задача философии состоит в познании действительности. Так, например, Х. Ортега-и-Гассет определял «философию как познание Универсума», как «целостную систему умственной деятельности, в которую систематически организуется стремление к абсолютному знанию» [Ортега-и-Гассет, 1991: 79]. Понятно, что эта тенденция в понимании задач философии находится в лоне «эпистемического» ее истолкования. Испанскому философу заочно возражал представитель противоположной тенденции, Н.А. Бердяев: «Настоящая философия, которой действительно что-то открывается, есть не та, которая исследует объекты, а та, которая мучится смыслом жизни и личной судьбы». И чуть ранее отечественный мыслитель писал: «Великие философы ... всегда стремились к возрождению души, философия была для них делом спасения» [Бердяев, 1994: 232]. Очевидно, что эта тенденция в понимании задач философии осуществляется в лоне «софийного» ее толкования. А, по сути, представители первой тенденции абсолютизируют роль знаниевого блока философии, тогда как представители второй тенденции абсолютизируют значимость ее ценностно-смыслового блока.

Если теперь вновь вернуться к разговору о компонентах, входящих в состав обсуждаемых блоков философии, то, как только что было отмечено, этому – ценностно-смысловому – блоку свойствен особенно богатый набор типов составляющих, не сводимых по своей природе к знанию и мнению.

Впрочем, и утверждение, согласно которому составляющие ценностно-смыслового блока философии не имеют ничего общего со знанием и мнением, тоже было бы неверным.

Так, например, несомненно, что верования (вера) и убеждения довольно близки и друг к другу, и к мнениям по своей природе: и первые, и вторые, и третьи характеризуются недостаточной обоснованностью. С другой стороны, очевидно, что верования и убеждения, сравнительно с мнениями, в большей мере пронизаны эмоциями, чувствами и переживаниями соответствующего субъекта. И, как правило, верования и убеждения относятся к принципиально важным для данного субъекта вопросам, в то время как мнения нередко характеризуют отношение этого субъекта к второстепенным для него вопросам. Поэтому, отстаивая свои верования и убеждения, человек может пойти даже «на костер». История человечества, и история философии в частности, убедительно подтверждают только что сказанное.

Любопытный анализ соотношения убеждений, веры (верований), мнений и знаний мы находим у И. Канта.

Кант указывает в связи с этим: «*Мнение* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны». Соответственно, «если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*». Наконец, по Канту, «и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*» [Кант, 1994: 480]. См. также: [Кант, 1980: 372-379].

Как видим, И. Кант, как кажется, все «разложил по полочкам», отчетливо, как ему представлялось, различив обсуждаемые духовные феномены. В то же время многие авторы пишут о переплетённости и неясных границах этих феноменов. (См. об этом в частности [Ивин, 2005: 163-180, 287-293])

Я не ставлю перед собой задачу строгого определения обсуждаемых феноменов, а также не пытаюсь здесь систематически проанализировать характер их взаимоотношений. Моя цель здесь совсем иная: во-первых, подчеркнуть наличие в составе философских концепций двух разнородных блоков (знаниевого и ценностно-смыслового), во-вторых, предварительно наметить, какие именно компоненты входят в состав этих блоков. – Об этом мной выше сказано достаточно отчетливо.

5. О гипотетичности исходных положений философских концепций

Обсуждая состав разнообразных философских концепций, следует, как мне представляется, уделить определенное внимание еще одному существенному моменту.

Я имею в виду гипотетичность исходных положений (принципов) философских концепций. Гипотетичность этих положений понимается мной здесь как их предположительность, проблемность, вероятностность. Можно также сказать, что гипотетичность исходных положений тех или иных философских концепций проявляется также в том, что вопрос об их истинности (ложности) остается в философском сообществе до сих пор дискуссионным.

Любопытно, что здесь, на мой взгляд, имеет место отдаленная аналогия с тем, как обстоит дело с основоположениями (принципами) гипотетико-дедуктивных научных теорий. Из самого названия таких теорий понятно, что

методом построения этих теорий является именно гипотетико-дедуктивный метод.

Напомню, что этот метод предполагает, во-первых, отчетливую формулировку системы исходных положений (принципов) соответствующей научной теории. Понятно, что такая формулировка сама по себе является сложной творческой задачей. И на этой стадии сформулированные основоположения теории имеют статус гипотез. После этого из системы принципов дедуктивно (с помощью логики) выводится множество следствий. Поскольку в дедуктивном выводе истинность посылок переносится на заключения (следствия), и поскольку в данном случае посылки (основоположения теории) являются гипотезами, постольку и следствия здесь также гипотетичны. Но эти следствия или, по крайней мере, некоторые из них, сопоставляются с эмпирическим базисом этой теории. Такое сопоставление следствий из системы принципов с эмпирическим базисом (множеством результатов соответствующих наблюдений и измерений) является не только проверкой этих следствий, но также и способом опосредованной эмпирической проверки принципов обсуждаемой теории. Так что, если упомянутые следствия с достаточной точностью согласуются с соответствующими эмпирическими данными, то вся эта теория, включая ее основоположения, обретает статус полноценного научного знания.

Как уже сказано, при построении философской концепции дело в некотором смысле обстоит аналогично.

И главная аналогия здесь состоит именно в том, что основоположения всякой философской концепции изначально непременно имеют характер гипотез (мнений). В некоторой степени аналогично дело здесь обстоит и в том отношении, что формулировка системы основоположений философской концепции тоже является сложной и творческой задачей. Но в действительности, применительно к построению философской концепции, задача формулировки системы ее исходных положений гораздо сложнее, чем задача формулировки основных положений любой специально-научной теории. Главная причина этого состоит, наверное, в том, что у философской концепции, сравнительно со специально-научной теорией, гораздо менее определенной является предметная область. К тому же предметная область данной философской концепции теснейшим образом связана с предметными областями других философских концепций. И чем глубже описывает и объясняет данная философская концепция свою предметную область, тем многообразнее и дальше она выходит за пределы своей первоначальной предметной области, захватывая своим описанием и объяснением предметные области других философских концепций. Поэтому принципы данной философской концепции в потенции своей в некотором смысле беспредельно содержательны. И, следовательно, они, во-первых, так сказать, «на глубине» содержательно пересекаются с другими принципами этой концепции. А, во-вторых, на еще большей глубине они содержательно пересекаются с принципами других философских концепций. Поэтому, несомненно, работать с такими принципами очень затруднительно. Это

затруднение проявляется, в частности, в том, что невозможно осуществление строго дедуктивного вывода всего множества следствий из принципов данной философской концепции. Попытки все-таки осуществить вывод следствий из принципов философской концепции неизбежно будет нестрогим, вариативным и в определенной мере интуитивным. Все это, конечно, обязательно сказывается на качестве опосредованной эмпирической проверки принципов философской концепции. И, как следствие, это проблематизирует приписывание и принципам философской концепции, и самой этой концепции статуса философского знания.

Еще один существенный момент, указывающий на гипотетический характер исходных положений философских концепций, состоит в том, что многие философские концепции и в первую очередь их основоположения претендуют на всеобщий характер. Другими словами, эти основоположения зачастую формулируются в виде всеобщих и необходимых суждений. Но, очевидно, что такие суждения не могут быть сколько-нибудь надежно обоснованы эмпирически. А теоретическое их обоснование непременно будет содержать некий логический круг. Поэтому такого рода философские основоположения, по сути, являются постулатами, то есть философскими предположениями, гипотезами.

Добавлю, что только что сказанное в гораздо большей степени справедливо по отношению к знаниевому блоку философии, нежели к ее ценностно-смысловому блоку. И это совсем не случайно. По всей видимости, знаниевый блок должен, так сказать, тяготеть к научному знанию и по своей природе, и по своему составу. В особенности это относится к современной философии. Иными словами, знаниевый блок современной философии должен формироваться преимущественно на основе достижений современных фундаментальных наук.

Ценностно-смысловой блок философии и в этом плане существенно отличается от ее знаниевого блока. Ценностно-смысловой блок философии должен быть «открыт» влиянию культуры в целом. Он должен формироваться на пути генерализации достижений не только науки, но и искусства, нравственности, права, религии и других секторов культуры.

Выводы

Итак, проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, если понимать философию как максимально рационализированное мировоззрение, то она включает в себя две принципиально различные составляющие: знаниевую и ценностно-смысловую.

Во-вторых, состав большинства философских концепций многообразен и разнороден. Они включают в себя мнения, знания, убеждения, верования, идеалы, ценностные ориентации и т.п.

В-третьих, исходные положения (принципы) философских концепций имеют в большей или меньшей степени гипотетический характер.

Список литературы

- Альберт, 2003 – *Альберт Х.* Трактат о критическом разуме. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
- Бердяев, 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
- Ивин, 2005 – *Ивин А.А.* Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005. 592 с.
- Кант, 1980 – *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Издательство «Наука», 1980. 709 с.
- Кант, 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Конт-Спонвиль, 2012 – *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
- Майоров, 2004 – *Майоров Г.Г.* Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
- Ортега-и-Гассет, 1991 – *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.
- Финогентов, 2009 – *Финогентов В.Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 304 с.
- Финогентов, 2021 – *Финогентов В.Н.* Философия науки. Орел. Издательство «Картуш», 2021. 352 с.

УДК 101.1:316:303

Шавлохова А.А.,

кандидат философских наук,

старший преподаватель отделения социально-гуманитарных наук,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Терлецкий В. А.,

аспирант,

Томский Государственный Университет

Зиброва Е. В.,

аспирант,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Образ будущего в формировании ценностей молодежи: идеологемы, транслируемые в социальных сетях (на примере российских и белорусских блогеров)

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-3-20-29